DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

оригинальная статья
УДК 323.21

Молодежная политика России в пространстве постправды

Сергей Н. Чирун [a, @, ID]; Мария С. Чирун [b]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[b] Кемеровский государственный институт культуры, Россия, г. Кемерово
[@] Sergii-Tsch@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-7422-8030

Поступила в редакцию 28.07.2020. Принята к печати 04.09.2020.

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния ситуации постмодерна на особенности и характеристики государственной молодежной политики. К их числу относятся характеристики пространства реализации молодежной политики и понятие постправды. Рассмотрены аспекты генезиса и структурирования элементов пространства постправды, которой дана авторская интерпретация. Методы интертекстуального и сетевого, интент- и дискурс-анализа позволили адекватно отразить интерпретационные особенности ситуации постмодерна. Исследование показало, что российская государственная молодежная политика в значительной мере превратилась в фабрику по генерации фактоидов, доминирование которых наряду с внедрением маркетинговых и PR-технологий в данную сферу приводит к тотальной симуляции и порождению все новых симулякров взамен реальных успехов и достижений. В эпоху постмодерна, когда критерии идентичности и стратификации существенно размыты и неустойчивы, молодые граждане, будучи оторванными от основ научно-рациональной картины мира, готовы, как и на доиндустриальной фазе развития, верить в иррациональные смысловые конструкции, образованные симбиозом лжи и постправды. Авторы определяют постправду как совокупность недостоверных общественно-политических представлений, сформированных в определенной гражданской среде путем целенаправленного применения политических технологий, включающих в себя систему методов и приемов воздействия. Постмодернистский подход к государственной молодежной политике интерпретирован посредством нелинейной методологии анализа молодежной политики. С использованием категориально-понятийного аппарата постмодернизма проанализированы проблемы и типология отечественной государственной молодежной политики, рассмотрены возможности внедрения сетевого подхода, связанные с оптимизацией существующей модели управления, а также перспективы и потенциальные препятствия для ее реализации. В заключении представлен анализ институциональных трансформаций молодежной политики во взаимосвязи с технологиями манипулирования и фальсификации информации в политико-управленческом процессе, где само взаимодействие политических акторов на сетевых площадках пространства постправды формирует различные формы сетевых интеракций.

Ключевые слова: киберсимуляция, постмолодежь, постгендер, постмодерн, политическая сеть, симулякр, политические технологии, мягкая сила

Для цитирования: Чирун С. Н., Чирун М. С. Молодежная политика России в пространстве постправды // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 444–453. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

Введение

В условиях постмодерна молодежный сегмент общества, оказавшийся объектом воздействия таргетированных потоков информации, формирующей пространственные контуры постправды, отличает выраженный скептицизм в отношении метанарратива, когда сама структура общественных отношений характеризуется утратой традиционных скреп, а новые тренды общественного развития основаны на игре постмодернистских ризомических структур и новых институций, в которых существенно снижается роль традиционных политических ценностей и институтов. В модерне произошло то, что М. Вебер назвал «расколдовыванием мира». «Расколдовывание мира» формально означало освобождение человечества от иррационализма и суеверий традиционного общества.

В этом смысле постмодерн есть своего рода реализация закона отрицания отрицания, что по факту предполагает возврат человеческого сообщества, но уже на новом витке эволюции к обновленному иррационализму, в котором находят органическое выражение такие категории, как постполитика [1], постгендеризм (гендерквир, интергендер, бигендер, агендер, эмпауэрмент) [2; 3], постправда. Отметим, что префикс *post-* указывает на то, что понятия утратили или изменили свой первоначальный смысл и приобрели дополнительные коннотации, как, например, понятие *постмолодежь* [4, с. 182], или же отсылают реципиента ко времени после какого-либо события, как, например, *post-war* (послевоенный).

К. Крауч использовал понятие *пост-демократия,* означающее, что публичная политика и электоральный процесс являются всего лишь контролируемым спектаклем,

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

поставленным конкурирующими командами профессиональных политтехнологов, обладающих прикладными компетенциями в политике [5]. Как правило, пост-демократия напрямую связана с проблематикой политического популизма [6].

Сетевые структуры постмодерна формируют инновационную систему управления коммуникацией, в формате которой подсистема молодежной политики приобретает вид фрагментированной конструкции, открытой для манифестации постистины. Сам концепт постправды (постистины) впервые проявился в работе Р. Кейеса [7]. В 2016 г. редакция Оксфордского словаря объявила понятие *постправда* (*post-truth*) словом года[1]. По мнению его авторов, постправда – ситуация, в условиях которой рациональные факты и концепции (нарратив) воздействуют на характеристики состояния общественного мнения меньше, чем апелляция к чувствам и иррациональным убеждениям, что свидетельствует о предпосылках появления новой, эффективной в ситуации постмодерна технологии манипулирования общественным мнением.

Представитель издательства Оксфордского университета К. Гратвол в интервью BBC дал прогноз популяризации понятия *постправда*: на волне подъема социальных медиа как источника информации и растущего в гражданском обществе недоверия к представителям коррумпированных политических элит понятие постправды станет определяющим[2]. Очевидно, что проблема постправды – это проблема всей системы управления, а не отдельных ее представителей. Поэтому банальное переливание «нового вина в старые бутылки» не решит эту проблему [8].

В настоящее время постправда представляет собой инновационный постмодернистский концепт в публичной политике XXI в. Он наглядно выражен в эссе публициста С. Тесича «Правительство лжет», посвященном «миру постправды» (*post-truth world*)[3], в котором власть искусственно и целенаправленно препятствует гражданам в постижении истины. Так, например, современный спорт высших достижений превратился в многомиллиардный бизнес [9, с. 52]. Австрийский профессор Г. Кехлер акцентирует внимание на эмоциональности любой толпы – как реальной, так и виртуальной. Он полагает, что современные формы массовой коммуникации генерируют риски снижения уровня аргументации до состояния базовых эмоций, лежащих в его основании [10].

Эмоциональность обуславливается повышением роли аудиовизуального контента веб-коммуникации (по сравнению с формализованным изложением идей на бумаге), а также синхронностью действия и восприятия, связанной со скоростью передачи контента, исключающей возможности для полноценной рефлексии. Таким образом, реципиент подвержен искушению оценивать политические явления и процессы согласно своим эмоциям, которыми манипулировать проще, чем концептуальными представлениями. Помимо этого, реципиенты самостоятельно формируют некое подобие «информационного пузыря», которым окружают себя, формулируя и отстаивая свою собственную правду. Такие действия порождают замкнутость и изолированность от альтернативных концепций.

В ситуации постмодерна информационный мусор (фактоиды) бывает непросто отличить от действительно ценной информации, что во многом объясняется стремлением его создателей к максимизации медийного эффекта.

Анализ взглядов на проблемы ГМП

Результаты исследования показали, что российская государственная молодежная политика (ГМП) в значительной мере превратилась в фабрику по генерации фактоидов, доминирование которых наряду с внедрением маркетинговых и PR-технологий в сферу ГМП приводит к тотальной симуляции и порождению все новых симулякров взамен реальных успехов и достижений.

Между тем непредвзятая оценка состояния ГМП РФ со стороны профессиональных экспертов содержит множество критических замечаний. Так, по мнению Д. А. Маяцкого, к числу основных проблем данной сферы относится отсутствие в российской Конституции самой дефиниции молодежной политики. [11, с. 129]. В. Н. Афонина констатирует ситуативно-манипуляционный характер молодежной политики в России. «Это выражается в том, что структуры по делам молодежи в органах государственной и муниципальной власти не имеют прочного статуса, их подчинение и предпочтение осуществляется под влиянием внешних обстоятельств и очень часто субъективных причин» [12, с. 14]. О. С. Щербина проводит анализ ГМП РФ и приходит к заключению о неустойчивости сложившейся структуры управления [13, с. 150].

Отечественная ГМП, по мнению О. А. Коряковцевой, нацелена на формирование властной вертикали, а не на обеспечение условий реализации молодежной политики [14, с. 15]. Ученые пишут о «стагнации в реализации ГМП» [15, с. 26], ее низкой эффективности [16, с. 20], «хаотичном соединении» в модели ГМП РФ противоположных подходов и критикуют присущие ГМП «практики обвинения молодежи», делая вывод о недостатке молодежной субъектности в российской ГМП [17, с. 13].

[1] Flood A. «Post-truth» named word of the year by Oxford Dictionaries // The Guardian. 15.11.2016. Режим доступа: https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries (дата обращения: 23.02.2018).

[2] Calcutt A. The surprising origins of «post-truth» – and how it was spawned by the liberal left // The Conversation. 18.11.2016. Режим доступа: http://theconversation.com/the-surprising-origins-of-post-truth-and-how-it-was-spawned-by-the-liberal-left-68929 (дата обращения: 21.01.2018).

[3] Kreitner R. Post-truth and its consequences: what a 25-year-old essay tells us about the current moment // The Nation. 30.11.2016. Режим доступа: https://www.thenation.com/article/archive/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/ (дата обращения: 07.08.2018).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

В качестве проблем сферы молодежной политики И. В. Бояринова называет бюрократизм и формализм [18, с. 149], Т. В. Черкасова акцентирует внимание на дефиците публичности и информативности [19, с. 249], А. А. Кострова отмечает ошибочную постановку целей ГМП и ее сверхидеологизированность [20, с. 205, 206]. «Отсутствие целостной и системной государственной молодежной политики в РФ» становится, по мнению И. П. Якушевой, одной из причин радикализации политических сил, стремящихся к дестабилизации ситуации в стране [21, с. 139].

Опыт реализации отечественной ГМП зачастую удачно соотносится с категорией симулякра. Симулякр молодежной политики представляет собой имитацию несуществующего [22]. Следовательно, симулировать – означает делать вид, что обладаешь тем, чего на самом деле нет. Нередко речь заходит о симулировании эффективности ГМП.

Характеристиками ГМП в ситуации постмодерна являются:

- фрагментарность и разбалансированность политической культуры и интересов субъектов ГМП;
- децентрация – многосубъектность, вариативность ГМП;
- деконструкция – инновационная трактовка, учет значения контекстов для креативной трансформации смысловой нагрузки, технология «Окно Овертона»;
- гиперманьеризм – попытка вписать культурные атрибуты прошлого в контекст молодежных субкультур постмодерна;
- контекстуальность – обусловленность содержания ГМП актуальной политической ситуацией;
- дискретность – прерывистость, непоследовательность и даже противоречивость в реализации ГМП;
- перформативность – акцентуация на публичность и выразительность ГМП;
- гетерархия – потенциальное сосуществование в ГМП пересекающихся матричных структур управления;
- подражательность – формирование иронично-зрелищной индустрии политических имитаций, превосходящей по своим параметрам многие оригиналы;
- редукция смыслов – пребывание в мире искаженных истин;
- симуляция – доминирование в ГМП процесса над реальным результатом.

Фактически именно эти характеристики определяют границы и возможности пространства постправды в ГМП.

Постправду можно определить и как совокупность общественно-политических представлений, сформированных в определенной гражданской среде путем целенаправленного применения политических технологий, включающих в себя систему методов и приемов воздействия. Политтехнологи стремятся к скрытому манипулированию сознанием целевых групп [23, с. 28–34].

Среди наиболее применяемых политических технологий [24] в прошедшей в России президентской кампании 2018 г. можно особо отметить киберсимуляцию (массированное использование сетевых ботов), стигматизацию, *sock puppet revolution* (технология марионеток – политические дебаты были сознательно превращены в клоунаду и сопровождались личными оскорблениями участников, симуляцией попыток рукоприкладства, нецензурной лексикой и даже обливанием водой), спираль молчания (ни один из зарегистрированных кандидатов не использовал реальные слабости в позиции действующего президента, фактически играя в поддавки с властью, исполняя до конца свою шутовскую роль в театре абсурда), технологию «тоннельного сознания» (выбор из двух искусственно сформулированных и навязанных зол-симулякров) и др.

Постмолодежь

В ситуации постмодерна общество испытывает проблему возрастной неконгруэнтности, которая выражается не только в несоответствии общественным ожиданиям атрибутов возрастного статуса личности, но и в несовпадениях в пределах личности либо социальных групп целого ряда возрастных позиций. Именно в постмодерне в условиях утраты традиционных и обретения новых зачастую симулятивных (соответствующих характеристикам постправды) идентичностей это явление приобретет массовый характер. Состояние возрастной неконгруэнтности, когда статусный набор возрастов (хронологических, социальных, психологических и др.) находится в состоянии внешнего и внутреннего конфликтного антагонизма, мы можем говорить о появлении феномена постмолодежи.

Выделяют следующие модели теоретического осмысления категории *молодежь* современными учеными: а) молодежь как носитель психофизиологических характеристик возраста; б) как политико-субкультурный феномен; в) как субъект ювенизационно-адаптационных процессов.

С. В. Алещенок констатирует отсутствие молодежи как социально-демографической группы «на доиндустриальной фазе общественного развития» [25]. Вал. А. Луков и Вл. А. Луков в рамках тезаурусной концепции молодежи называют необходимым условием принадлежности к молодежной общности идентификацию самих себя в качестве молодежи [26]. В постмодерне критерии идентичности и стратификации существенно размыты и неустойчивы, массовый характер приобретает социальная галлюцинация, когда граждане, будучи оторванными от основ научно-рациональной картины мира, готовы, как и на доиндустриальной фазе развития, вновь верить в иррациональные смысловые конструкции, образованные симбиозом лжи и постправды. Постмодерн создает для этого питательную среду, в которой социальный статус человека характеризуется не просто неконгруэнтностью, но подчас и антагонизмом биологических, хронологических и социально-статусных возрастных позиций. Появляется все больше возрастных людей, устойчиво идентифицирующих себя с молодежью и неготовых смириться с тем, что хронологически они уже не молоды.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

Говорить же о массовом появлении постмолодежи как новой социальной общности можно лишь с того момента, когда освобождение от хронологической детерминации возраста перестает рассматриваться обществом в качестве проявления социальной девиации. Как социальная общность постмолодежь характеризуется определенным уровнем внутренней солидарности и единства, не связанным с хронологическими возрастными границами.

Государственное и общественное в пространстве постправды

В научной среде уже практически не подвергается сомнению несводимость всего многообразия форм и уровней молодежной политики к формально-институциональному дизайну [27]. Однако это обстоятельство лишь актуализирует потребность в четких научных дефинициях. Наряду с ГМП существует также и негосударственная молодежная политика (НМП), представляющая собой процесс и результаты взаимодействия молодежи с институтами гражданского общества, с общественными и политическими акторами. Кроме того, субъектами НМП могут выступать транснациональные организационно-управленческие структуры.

Структура НМП достаточно неоднородна и включает как общественную молодежную политику (ОМП), так и асоциальную молодежную политику (АМП), имеющую антиобщественную направленность. В числе субъектов ОМП можно указать различные институции гражданского общества, а также «влиятельные антропо-социальные сообщества» [28, с. 80].

АМП представляет собой процесс и результат работы с молодежью различных антиобщественных сил, начиная от мелкого криминала, заканчивая террористическими организациями, вербующими в свой состав молодых людей. Субъектами АМП могут выступать экстремистские и террористические организации, религиозные секты, криминальные структуры и движения, имеющие выраженную направленность на работу с молодежью, как, например, популярное среди представителей неблагополучной молодежи движение АУЕ. К этому же виду молодежной политики относится вовлечение молодежи в сферу сексуальных и эскорт услуг, рекрутирование преимущественно несовершеннолетней молодежи в сферу наркоторговли.

Отдельной разновидностью НМП является асистемная молодежная политика, которую следует отличать от АМП. Здесь под системой понимается именно политическая система и государство как ее основной институт. Молодежь объединяется под некими достаточно разными радикальными лозунгами. Это могут быть лозунги борьбы против административного произвола, клерикализма, манипуляции общественным сознанием, двойных стандартов и других форм воплощения политики постправды, сегрегации, коррупции и т. д. Действия активистов часто направлены против должностных лиц и государственных институтов, в том числе института ГМП.

Отмечаются отдельные попытки внедрения в научный лексикон понятия *негативная молодежная политика*, не несущего, на наш взгляд, какой-либо значимой когнитивной нагрузки. Ведь фактически речь идет о реализации государством своей карающей функции в целях защиты молодежи от осуждаемых государством типов социального поведения [29]. Мы считаем, что реализацию государством данной функции было бы корректнее обозначить термином *пенитенциарная молодежная политика*.

Проведенный анализ научных работ позволил выявить более 100 определений ГМП, различающихся как по субъектам, так и по базовым функциям и нормативному обеспечению этой политики. Однако если для научной дискуссии по молодежной проблематике такая ситуация вполне допустима, то для эффективной реализации ГМП необходима нормативная операционализация базовых категорий ГМП. Нормативной особенностью ГМП в РФ является статус основополагающих документов: это доктрины, концепции и стратегии ГМП, основные направления и прочие положения доктринального характера, не являющиеся правовыми актами. Именно они после их утверждения подзаконными нормативными правовыми актами (постановления Правительства РФ, указы Президента) приобретают регулятивные функции и становятся основополагающим руководством для повседневной деятельности органов и структур ГМП. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. упоминается ГМП и ее механизмы, основанные на взаимодействии с институтами гражданского общества, включая молодежные организации[4].

В Основах государственной молодежной политики РФ до 2025 г. ГМП определена в качестве направления государственной деятельности, реализуемого на основе взаимодействия с институциями гражданского общества и направленного на воспитание молодежи, оптимизацию ее потенциала[5]. Целью ГМП провозглашается достижение устойчивого общественно-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, упрочение ее лидерских позиций на мировой арене.

Процесс институциализации и формализации категориально-понятийного аппарата ГМП в РФ далек от завершения. Значимую роль в новых моделях молодежной политики играет принцип самосинхронизации, существенно повышающий инициативность, автономность

[4] Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // СПС КонсультантПлюс.

[5] Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // СПС КонсультантПлюс.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

и наделяющий ощущением независимости каждого молодого человека как участника политического процесса. Принцип соучастия предполагает освобождение от формализма жесткого вертикального подчинения, переход от иерархии к гетерархии и основывается на доминировании горизонтальных сетевых структур. Такой подход позволяет оперативно адаптироваться к изменениям политической ситуации.

Правовое обеспечение ГМП и бегство от метанарратива

ГМП РФ буквально с момента рождения представляет собой модель перманентной реорганизации, сопровождающейся изменением ведомственной принадлежности. Но еще Ж.-Ф. Лиотар определял ситуацию постмодерна именно как утрату единой модели, легитимирующей представления о реальности [31, с. 10–14].

При разграничении предметов ведения РФ и ее субъектов возникает правовая неопределенность по поводу того, относится ли ГМП к предмету совместного ведения, или же следует исходить из реальной политики и формирования федеральных программ в сферах экономического, социального, культурного развития к предмету исключительного ведения РФ[6].

В современном законодательстве РФ регулирование правоотношений в рамках ГМП осуществляется посредством внушительного комплекса нормативно-правовых актов, из-за чего она «выглядит противоречивой и неоднозначной» [30, с. 23]. Первый российский ФЗ «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» был принят Государственной Думой в 1999 г., одобрен Советом Федерации, но на него Б. Н. Ельциным было наложено президентское вето. Следующие попытки связаны с проектами ФЗ № 428343-4 (2007) и № 340548-6 (2013), которые так и остались проектами, поскольку получили отрицательные заключения Правительства РФ.

В 2014 г. был предложен очередной законопроект № 663594-6 «О молодежной политике в Российской Федерации». Однако он не получил поддержки в профильном комитете Государственной Думы. Сложным является вопрос о предмете регулирования данного закона: изначально пресекаются попытки разбавить его содержание налоговыми, пенсионными, трудовыми, жилищными и иными льготами, поскольку они являются предметами регулирования нормативных актов соответствующих отраслей права. В итоге весомая часть базовых положений ГМП вплоть до настоящего времени находится в пространстве постправды в виде многочисленных правовых документов подзаконного характера, в том числе в ведомственных правовых актах и т. д., при отсутствии единого обобщающего федерального закона.

Новый законопроект № 993419-7, внесенный сенаторами Г. Н. Кареловой, И. Ю. Святенко и др., а также депутатами Государственной Думы А. И. Аршиновой, Ю. В. Афониным в июле 2020 г., существенно корректирует верхнюю границу молодежного возраста. Вместе с тем он способствует повышению релятивности ГМП к сфере молодежной политики, что довольно неоднозначно характеризует указанный документ. Неслучайно проект получил резко негативные оценки со стороны ведущих российских экспертов, занимающихся исследованием проблем молодежи и государственной молодежной политики. Значительной критике подверглась сама концепция законопроекта № 993419-7, предмет его регулирования и используемый понятийно-концептуальный аппарат. В этой связи предметом научно-практических дискуссий, проводимых в традиционном и сетевом формате, стали актуальные положения законопроекта и последствия его принятия для развития ГМП как отрасли, предмет регулирования законопроекта и соответствие его структуры наиболее эффективным федеральным и региональным практикам ГМП, границы молодежного возраста, по-новому определенные в данном законопроекте.

В научном сообществе в числе активных участников обсуждения и критики проекта закона можно назвать д-ра социол. наук, проф. Ю. А. Зубок, д-ра юрид. наук А. В. Кочеткова, д-ра ист. наук, проф. В. В. Нехаева, д-ра пед. наук, проф. С. В. Тетерского и ряд других известных академических ученых и практиков[7].

К концепции законопроекта № 993419-7 существует значительное количество претензий как на федеральном, так и на региональном уровнях. Например, по мнению кузбасских юристов, авторы законопроекта не замечают очевидной необходимости увеличения размера бюджетного финансирования мер государственной поддержки молодежи. Из рассуждений, приводимых инициаторами законопроекта, следует, что в России увеличивается количество граждан РФ, которые могут считаться молодежью, а значит, и срок оказания им помощи в рамках программ ГМП увеличивается на 5 лет (поскольку ранее к молодежи относились граждане не старше 30 лет, теперь – не старше 35 лет). Соответственно, это является основанием для увеличения объема финансирования, создания для этого необходимых резервов бюджетной системы[8].

[6] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 71–73 // СПС КонсультантПлюс.

[7] Союз ГМП // Facebook. Режим доступа: https://www.facebook.com/groups/382499542144523/ (дата обращения: 27.08.2020).

[8] Общественная экспертиза проектов ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и ФЗ «О внесении изменения в статью 4 федерального закона "О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений"» // Ассоциация юристов России. 22.08.2020. Режим доступа: http://old.alrf.ru/region42/obshhestvennaya-ekspertiza-proektov-fz-o-molodezhnoj-politike-v-rossijskoj-federacii-i-fz-o-vnesenii-izmeneniya-v-statyu-4-federalnogo-zakona-o-gosudarstvennoj-podderzhke-molodezhnyx-i-detskix-obshhes/ (дата обращения: 27.08.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

Сетевое пространство ГМП – возможности и ограничения

Смысл ГМП РФ многие эксперты находят в активизации молодежного ресурса для решения задач модернизации [32, с. 3–4]. Ю. В. Ирхин наглядно демонстрирует основополагающие отличия парадигм модерна и постмодерна [33, с. 18]. В постмодерне управление ГМП – это прежде всего управление символами. Возрастанию их значения в политике способствуют процессы информатизации и глобализации, формирования сервис-класса – образованных, ориентированных на высокую мобильность и карьеру молодых людей, активно использующих сетевые средства взаимодействия. Но в пространстве постправды, как отмечает С. В. Чугров, сетевое мышление соединяет иррациональные трактовки иррациональных действий в единый, еще более иррациональный нарратив [34].

Профессор Н. В. Зубаревич в своей концепции четырех Россий рассматривает в качестве вероятного сценарий постмодернистского авторитаризма как продолжение сложившегося в РФ антимодернизационного тренда [35]. Ж. Бодрийяр наделяет массовое сознание (не только россиян) свойствами черной дыры, которая представляется ему как нечто, не способствующее развитию, прогрессу, но, наоборот, разрушающее и все втягивающее в себя [36]. Выделяя побочные последствия постправды, он пишет: «коллективная дезиллюзия становится ужасной, когда иллюзия заканчивается» [37, с. 80].

Инкорпорирование сетевых структур в управленческую систему государства является повседневной практикой большинства постмодернистских государств, в которых в силу стремительного развития информационных технологий и ускорения процессов глобализации происходит стремительное размывание границ между властью и гражданским обществом. В результате формируется серьезный научный интерес к горизонтальным сетевым структурам. Это связано с изменением общей парадигмы в политических науках, современными исследованиями в области коммуникативистики и новыми технологиями ГМП.

Сети, открытые для широкого взаимодействия, трансформируют организационный ландшафт современной государственной молодежной политики. Зарубежный опыт доказывает, что традиционная вертикальная модель взаимодействий акторов между институциональными субъектами молодежной политики (в том числе структурами электронного правительства) [38] и основными контрагентами ограничивает ресурс внедрения новых инновационных технологий «мягкой силы» (*soft power*), обеспечивающих культурную и образовательную привлекательность европейской модели ГМП [39], в управленческую практику, что приводит к замедлению развития сферы ГМП.

Формирование сетевой, гетерархичной архитектуры управления – это серьезный вызов для государства и его политических институтов. Ответ на него предполагает научный анализ специфики молодежных политических сетей как перспективной формы, которая, с одной стороны, позволяет эффективно решать динамические проблемы в ситуации неопределенности, с другой – требует от государственных служащих обновления профессиональных компетенций, изменения структуры мотивации, отказа от наиболее одиозных персистентов управленческой культуры.

Для преодоления указанного противоречия необходимо принципиальное изменение подхода к пониманию и организации процессов разработки и осуществления государственной молодежной политики, связанной с развитием в первую очередь сетевых структур, образующих в своей совокупности с административными и рыночными формами новую модель государственной молодежной политики. При этом совершенно бессмысленно создавать очередные «дорожные карты» для выхода из постмодернистского интеллектуального тупика или принимать драконовские законы против распространителей постправды, пытаться плыть против течения, применяя арсенал уже устаревших рациональных методов борьбы с симптоматикой постмодернистского сетевого сознания.

Заключение

Пока еще формирующееся новое институционально-сетевое пространство ГМП неизбежно оформится как симбиоз публичных и сакральных сфер политики, скрывая реальные ресурсные потоки и коммуникативные обмены внутри государственных институтов, а также между государством и обществом. Масштабность и степень позиционирования сетевых и институциональных структур, модели их подотчетности будут определяться типом политического режима и адекватностью институционально-организационной структуры молодежной политики.

Литература

1. Товбин К. М. Редукция постполитики // Вестник Института социологии. 2014. № 2. С. 66–80.
2. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / пер. А. В. Гараджи // Гендерная теория и искусство: антология: 1970–2000 / под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322–377.
3. Айвазова С. Г. Эмпауэрмент как проблема российской массовой политики // Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2016. С. 248–258.
4. Чирун С. Н. Молодежная политика в состоянии постмодерна: государство, власть, общество: дис. … д-ра полит. наук. Казань, 2016. 430 с.
5. Crouch C. Post-democracy. Cambridge: Polity Press, 2004. 144 p.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

6. Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05
7. Keyes R. The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. N. Y.: St. Martin's Publishing Group, 2004. 320 p.
8. Petrov N. P. The elite: new wine into old bottles? // Russian Politics and Law. 2017. Vol. 55. № 2. P. 115–132. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393260
9. Зуев В. Н., Попова И. М. Европейский подход к управлению в сфере спорта: ценности, нормы и интересы // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 51–65. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-03
10. Кехлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75–87.
11. Маяцкий Д. А. Политическая социализация российской молодежи в контексте государственной молодежной политики: дис. … канд. полит. наук. М., 2007. 187 с.
12. Афонина В. Н. Государственная молодежная политика в современной России (взаимодействие институтов государства и гражданского общества): дис. … канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002. 180 с.
13. Щербина О. С. Механизм государственной молодежной политики в Российской Федерации: современное состояние и тенденции развития: дис. … канд. полит. наук. Черкесск, 2006. 181 с.
14. Коряковцева О. А. Государственная молодежная политика как фактор общественно-политической активизации молодежи в постсоветской России: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Ярославль, 2010. 47 с.
15. Кузьмичева Д. А. Молодежная политика современной России в условиях реформирования политической системы: дис. … канд. полит. наук. Кострома, 2007. 205 с.
16. Дегтярева О. В. Молодежная политика: региональный аспект: дис. … канд. социол. наук. Новосибирск, 2005. 200 с.
17. Страдзе А. Э. Трансформация государственной молодежной политики в современной России: дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2008. 161 с.
18. Бояринова И. В. Управление кадровым обеспечением государственной молодежной политики в регионе: дис. … канд. социол. наук. Белгород, 2008. 214 с.
19. Черкасова Т. В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема: дис. … д-ра социол. наук. М., 2004. 357 с.
20. Кострова А. А. Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России: дис. … канд. социол. наук. М., 2008. 229 с.
21. Якушева И. П. Современные молодежные движения как фактор активизации политического сознания в Российском обществе: дис. … канд. полит. наук. М., 2007. 180 с.
22. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Б. и., 2013. 203 с.
23. Соловей В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо, 2015. 320 с.
24. Чирун С. Н., Николаев А. В., Зайцева В. А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. 2018. Т. 26. № 3. С. 7–13.
25. Алещенок С. В. К проблеме новой концептуализации молодежи // Методологические проблемы исследования молодежи (материалы к дискуссии) / сост. Б. А. Ручкин, П. И. Бабочкин. М.: Социум, 1998. С. 34–37.
26. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы II. Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. 640 с.
27. Айтжанова Д. Н., Ветренко И. А. Общественная дипломатия России и Казахстана как инструмент формирования государственной молодежной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 143–148. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.1.14
28. Неклесса А. И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 80–95. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.06
29. Меркулов П. А., Елисеев А. Л., Аронов Д. В. «Негативная молодежная политика» как составляющая государственной политики в отношении молодежи // Власть. 2015. № 2. С. 141–145.
30. Карнаушенко Л. В. Государственная молодежная политика как инструмент противодействия тенденциям деформации правосознания российской молодежи // Общество и право. 2015. № 1. С. 20–24.
31. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
32. Чекмарев Э. В. Роль молодежи в политической модернизации постсоветской России: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Саратов, 2009. 46 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

33. Ирхин Ю. В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 1. С. 13–25.
34. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04
35. Zubarevich N. V. The burden of regions: what has changed in ten years? // Russian Politics and Law. 2017. Vol. 55. № 2. P. 61–76. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393269
36. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 95 с.
37. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016. 222 с.
38. Ваславский Я. И., Габуев С. В. Варианты развития электронного правительства. Опыт России, США, КНР // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 108–125. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.9
39. Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 26–36. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00003

original article

Russian Youth Policy in the Post-Truth Space

Sergey N. Chirun [a, @, ID]; Maria S. Chirun [b]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[b] Kemerovo State Institute of Culture, Russia, Kemerovo
[@] Sergii-Tsch@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-7422-8030

Received 28.07.2020. Accepted 04.09.2020.

Abstract: The present research featured the effect of Postmodern on the state youth policy with its spatial characteristics and the post-truth concept. The authors examined the genesis and development of the post-truth space. The study involved intertextual, network, intent, and discourse analyses, which made it possible to describe the interpretative features of Postmodern. The authors believe that Russian state youth policy has become a "factoid factory": together with marketing and PR technologies, factoids led to the total simulation of state youth policy, which keeps generating new simulations instead of real success and achievements. Postmodern blurs and destabilizes the criteria for identity and stratification. Away from the scientific worldview, young citizens are ready to believe in irrational semantic constructions formed by a symbiosis of lies and post-truths, like in the pre-industrial epoch. The post-truth is a set of unreliable socio-political representations formed in a certain civilian environment through the targeted application of political technologies. The authors applied the nonlinear methodology to interpret the postmodern approach to the state youth policy. They used the categorical and conceptual apparatus of Postmodern to analyze the problems and typology of the domestic state youth policy. The paper focuses on the possibilities of the network approach in the optimization of the existing state youth policy, as well as on the prospects and potential obstacles to its implementation. The research also featured the institutional transformations of the youth policy in relation to the technologies of manipulation and data falsification in the political and administrative process, where the very interaction of political actors on post-truth network sites forms various forms of network interactions.

Keywords: cybersimulation, postmodern youth, post-gender, Postmodern, political network, simulacra, political technology, soft power

For citation: Chirun S. N., Chirun M. S. Russian Youth Policy in the Post-Truth Space. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 444–453. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

References

1. Tovbin K. M. Reduction of post-politics. *Vestnik Instituta Sotsiologii*, 2014, (2): 66–80. (In Russ.)
2. Haraway D. Manifesto for cyborgs: science, technology and socialist feminism in the 1980s., tr. Garadzha A. V. *Gender theory and art: anthology: 1970–2000,* eds. Bredikhina L. M., Dipuell K. Moscow: ROSSPEN, 2005, 322–377. (In Russ.)
3. Ayvazova S. G. Empowerment as a problem of Russian mass politics. *Mass politics: institutional foundations*, ed. Patrushev S. V. Moscow: ROSSPEN, 2016, 248–258. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

4. Chirun S. N. *Youth policy in the state of postmodernism: the state, power, and society*. Dr. Polit. Sci. Diss. Kazan, 2016, 430. (In Russ.)
5. Crouch C. *Post-democracy*. Cambridge: Polity Press, 2004, 144.
6. Glukhova A. V. Populism as a political phenomena and the challenge of the modern democracy. *Polis. Political Studies,* 2017, (4): 49–68. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05
7. Keyes R. *The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life*. N. Y.: St. Martin's Publishing Group, 2004, 320.
8. Petrov N. P. The elite: new wine into old bottles? *Russian Politics and Law*, 2017, 55(2): 115–132. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393260
9. Zuev V. N., Popova I. M. The European model of sports: values, rules and interests. *International Organizations Research Journal*, 2018, 13(1): 51–65. (In Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-03
10. Kekhler G. New social media: a chance or an obstacle to dialogue. *Polis. Political Studies*, 2013, (4): 75–87. (In Russ.)
11. Maiatskii D. A. *Political socialization of Russian youth in the context of state youth policy*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2007, 187. (In Russ.)
12. Afonina V. N. *State youth policy in modern Russia (interaction of state institutions and civil society)*. Cand. Polit. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2002, 180. (In Russ.)
13. Shcherbina O. S. *The mechanism of the state youth policy in the Russian Federation: the current state and development tendencies*. Cand. Polit. Sci. Diss. Cherkessk, 2006, 181. (In Russ.)
14. Koryakovtseva O. A. *Transformation of the state youth policy in modern Russia*. Dr. Polit. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2010, 47. (In Russ.)
15. Kuzmicheva D. A. *The youth policy of modern Russia in the conditions of reforming the political system*. Cand. Polit. Sci. Diss. Kostroma, 2007, 205. (In Russ.)
16. Stradze A. E. *Transformation of the state youth policy in modern Russia*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Saratov, 2008, 161. (In Russ.)
17. Boyarinova I. V. *Managing the staffing of state youth policy in the region*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Belgorod, 2008, 214. (In Russ.)
18. Degtiareva O. V. *Youth policy: a regional aspect*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2005, 200. (In Russ.)
19. Cherkasova T. V. *Management of youth conflicts as a social problem*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2004, 357. (In Russ.)
20. Kostrova A. A. *Public youth policy: the process of formation and realization in modern Russia*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2008, 229. (In Russ.)
21. Yakusheva I. P. *Modern youth movements as a factor in the activation of political consciousness in Russian society.* Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2007, 180. (In Russ.)
22. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Tula: B. i., 2013, 203. (In Russ.)
23. Solovei V. D. *Absolute weapon. Fundamentals of psychological warfare and media manipulation*. Moscow: Eksmo, 2015, 320. (In Russ.)
24. Chirun S. N., Nikolaev A. V., Zaitseva V. A. Political technologies in the network reality of postmodernity. *Vlast*, 2018, 26(3): 7–13. (In Russ.)
25. Aleshchenok S. V. To the problem of new conceptualization of youth. *Methodological problems of youth research (materials for discussion)*, comp. Ruchkin B. A., Babochkin P. I. Moscow: Sotsium, 1998, 34–37. (In Russ.)
26. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Thesauruses II: Thesaurus approach to understanding man and his world*. Moscow: Izd-vo Nats. in-ta biznesa, 2013, 640. (In Russ.)
27. Aytzhanova D. N., Vetrenko I. A. Public diplomacy of Russia and Kazakhstan as a tool of state youth policy formation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, 22(1): 143–148. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.1.14
28. Neklessa A. I. The crises of history. The world as an unfinished project. *Polis. Political Studies,* 2018, (1): 80–95. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2018.01.06
29. Merkulov P. A., Eliseev A. L., Aronov D. V. Negative youth policy as a part of public policy towards young people. *Vlast*, 2015, (2): 141–145. (In Russ.)
30. Karnaushenko L. V. The state youth policy as a tool of counter-trends deformation of legal consciousness of the Russian youth. *Society and law*, 2015, (1): 20–24. (In Russ.)
31. Lyotard J.-F. *La condition postmoderne,* tr. Shmatko N. A. Moscow: In-t eksperim. sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiia, 1998, 159. (In Russ.)
32. Chekmarev E. V. *The role of youth in the political modernization of post-Soviet Russia*. Dr. Polit. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2009, 46. (In Russ.)
33. Irkhin Yu. V. Postmodern methodology of analysis and projecting politics. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies*, 2014, (1): 13–25. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

34. Chugrov S. V. Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? *Polis. Political Studies,* 2017, (2): 42–59. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04
35. Zubarevich N. V. The burden of regions: what has changed in ten years? *Russian Politics and Law*, 2017, 55(2): 61–76. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393269
36. Baudrillard J. *A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social.* Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, 2010, 95. (In Russ.)
37. Baudrillard J. *L'Esprit du terrorisme. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu,* tr. Kachalov A. Moscow: RIPOL klassik, 2016, 222. (In Russ.)
38. Vaslavskiy Ya. I., Gabuev S. V. Global trends in electronic governance. Cases of the USA, China and Russia. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, 15(1): 108–125. (In Russ.) DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.9
39. Kasatkin P. I., Ivkina N. V. Cultural and educational dimensions of EU soft power. *Comparative Politics Russia*, 2018, 9(1): 26–36. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00003

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License